

И.Б. Роднянская

Мотивы поэзии Лермонтова Время и вечность

В своем восприятии и переживании времени Лермонтов являет образец романтического умонастроения. На любое событие и даже на самый бег времени поэт глядит с точки зрения вечности, но понимает эту вечность противоречиво и двойственно: в русле и антично-ренессансной, и средневековой философской традиции христианства. Чаще всего вечность мыслится как «дурная бесконечность», как никуда не ведущее изобилие времен — «веков бесплодных ряд унылый», их «однообразная череда» («Демон»). Такое представление о тождестве времени и вечности восходит к античности, но лермонтовское сознание не в состоянии стоически примириться с идеей бесцельной длительности или мерного кругооборота («вечный круг миров» в поэме «Сашка»). Философская коллизия совпадает здесь с психологическим опытом бесцельного существования, знакомого «лишнему человеку» 1830-х: как и «вечностью наказанный» лермонтовский Демон, «Недоносок» в одноименном стихотворении Баратынского восклицает: «В тягость роскошь мне твоя, / О бессмысленная вечность!» (1835). Если Баратынский акцентирует бессмысленность, то Лермонтов, с его действенно-волевой установкой, — бесплодие, безрезультатность праздно бегущих веков, и речь у обоих поэтов идет не только о космической бессмыслице, но и о бесперспективности земного прозябания. Жалоба: «Что пользы напрасно и вечно желать?» равно возможна в устах Демона, утратившего счет векам, и лирического лица, зря теряющего «лучшие годы».

Наряду с этим вечность у Лермонтова в духе средневековой традиции противопоставляется времени как неизменное и нетленное изменчивому и преходящему, как преизбыток, «море жизни», истинное бытие — обманчивому; ср. «Смело верь тому, что вечно, / Безначально, бесконечно. / Что прошло и что настанет, / Обмануло иль обманет» (1832) и стихотворение позднего Лермонтова «И скучно и грустно», где все временное тоже с горечью представлено как иллюзия, мираж. В светлые минуты для юноши Лермонтова «вечность и любовь», «вечность и надежда» составляют неразлучную пару («Вечер» и «Унылый колокола звон»), а внезапно посещающее его неверие в обретение вечности «за гробом» («Ночь. II») оборачивается ужасом «вечной разлуки» («Опасение»), содроганием на краю «бездны бесконечной».

При двоящемся понимании вечности — как избавления от времени и как порабощения бесконечным временем — «мысль о вечности, как великан» то возвышает, то подавляет душу героя лермонтовской лирики. Вечность — синоним космического порядка, «гармонии вселенной» («1831-го июня 11 дня»); в стихотворении «1831-го января» встречаем поразительный образ: «веков протекших великаны», как бы успокоившись в вечности, неподвижно стоят и *поют*. Величие земной природы («степей безбрежных океан», горы) — тоже один из ликов вечности. И от вечности же, от непрерывного круготока миров веет космическим холодом, бесчеловечностью, заброшенностью: «...там со дня созданья / Бушует вечная метель» («Вид гор из степей Козлова»); или в 141-й строфе поэмы «Сашка»: вечность — «...смутный, / Безбрежный океан, где нет векам / Названья и числа; где бесприютны / Блуждают звезды вслед другим звездам» и где нет места жизни и разуму.

В этом строе переживаний существенней всего идея противления времени как таковому и протест против всего преходящего, поскольку оно не обещает ни «истинного счастья», ни «долговечной красоты». Юный Лермонтов, кажется, не находит достаточно сильных слов, чтобы закрепить предельную ценность за сверхчеловечески неизменным чувством, не подлежащим, как у прочих людей, разрушительному влиянию времени; для

Ангела смерти, героя одноименной ранней поэмы (1831), «чувства вечные, как вечность, соединились все в одно»; тот же порыв к неземной «бессрочности» чувств с обезоруживающей наивностью выразился в реплике героя драмы «Странный человек»: «Я поклялся любить вас вечно... а клятва благородного человека неизменна, как воля творца». Боль и обида на жизнь из-за неспособности удержаться на этом уровне, жалобы на то, что «все кратко на шару земном, и вечно слава жить не может», что «вечно любить невозможно»; горделивый отказ от «минутной любви», от «чувств на срок» (см. Любовь) — все это принадлежит к константам романтического сознания, на каких бы этапах истории оно ни возрождалось (ср. с отказом неоромантика Цветаевой принять что бы то ни было переходящее: «Да будет выброшено ныне ж / Чтó завтра б вырвано из рук» — «Минута», 1928). Это настроение усугубляется чувством исторической несвоевременности (Лермонтов, пренебрегая возрастными категориями индивидуальной жизни, то и дело обращается к эпохальной категории «века»); герой хотел бы появиться на свет «позже» или «ранее», чем ему выпало, он сознает себя «плодом, до времени созрелым» именно по историческому, а не только психологическому счету.

Однако герой Лермонтова (как Демон, как Азраил) разрывается между неприятием общих временных законов меры, чреды, срока и возраста и жадной жаждой насладиться «неполной радостью земной». Отсюда еще один искомый романтиком путь преодоления временности — немедленное «обращение времени» в «миг» высшей жизненной полноты, равноценный вечности (ср. «Как над горячею золой» Тютчева, 1830; образ «шагреновой кожи» у О. Бальзака). У Лермонтова эта тема звучит с поразительной настойчивостью: «За вечер тот я б не взял вечность» («Стансы»); «Я праздный отдал бы покой / За несколько мгновений / Блаженства иль мучений» («Поток»); «Мгновение вместе мы были, / Но вечность ничто перед ним», («К*», 1832); «Явился он мне лишь на миг, / Но за вечность тот миг не отдам» («Песня монахини» из 2-й ред. «Демона»); «Если бы меня спросили, чего я хочу: минуту полного блаженства или годы двусмысленного счастья...» («Княгиня Лиговская»). При этом романтик мечтает овладеть жизненным временем как собственным достоянием и перед лицом провидения своевольно заявляет о праве *выбирать* между спокойной долговечностью и предельно насыщенным мигом; так, Мцыри, послушник, действительно решился «за несколько минут» «рай и вечность» променять. Такой простершийся в вечность миг («надо мной чтоб вечно зеленея...») — образ земного блаженства, но райски нетленного, свободного от земных условий времени, запечатлен мечтой поэта в стих. «Выхожу один я на дорогу». Поэт хочет приобщиться к вечному «морю жизни» в мгновение ока, силой чудесной метаморфозы («забыться и заснуть»), минуя ожидание и терпение, всю скорбную длительность жизненного пути.